ВЕЛИКОМУ РЫЦАРЮ ПОЭЗИИ

ПРАЗДНОВАНИЕ 800-летия СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШОТА РУСТАВЕЛИ

Вчера в зале заседаний Верховного Совета республики открылось торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Грузинской ССР, посвященное 800-летию со дня рождения Шота Руставели.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе, председатель Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили, председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Г. С. Дзоценидзе, председатель Всесоюзного юбилейного комитета по ознаменованию юбилея Шота Руставели Н. С. Тихонов, заведующий отделом ЦК КПСС В. Ф. Шауро, министр культуры СССР Е. А. Фурцева, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, главы делегаций союзных республик, видные деятели литературы, науки и искусства Советского Союза и зарубежных стран.

Вступительной речью заседание открыл председатель Правительственного юбилейного комитета Г. Джавахишвили. С докладом выступил поэт-академик И. Абашидзе. Приветственную речь произнесла министр культуры СССР Е. Фурцева. Затем выступили руководители делегаций Москвы, Ленинграда, братских республик Советского Союза и зарубежные гости.

В дни, предшествовавшие этому торжественному заседанию, в Боржоми продолжал работать «круглый стол» писателей. Вокруг проблем, поставленных на обсуждение, завязался широкий и интересный разговор. В нем приняли участие А. Сурков, Дьюла Ийеш, Антал Гидаш (Венгрия), В. Перцов, Иржи Тауфер (Чехословакия), М. Луконин, Джо Уоллес (Канада), Рафаэль Альберти (Испания), Джеймс Олдридж (Англия), Ганс Магнус Энценсбергер (ФРГ), Алим Кешоков, Юлиан Пшибось (Польша), Ив Гандон (Франция), Эдуардо Сангвинетти, Карло Леви (Италия), Г. Маргвелашвили.

Советские и зарубежные литераторы говорили об ответственности поэта перед миром и человечеством. Оживленный обмен мнениями выявил проблемы «культурной индустрии» на Западе и развития так называемой «промышленной цивилизации», проблемы традиций и новаторства, сочетания национальных особенностей и опыта мировой культуры.

Общую атмосферу встречи хорошо выразил Карло Леви:

— Герои поэмы Руставели пересекали пустыни, чтобы встретить друзей, — сказал он. — [illegible] чувства дружбы и братства. Эти чувства [illegible] Существующие [illegible] здесь объединяет.

В перерыве между заседаниями гости в сопровождении [illegible] Грузии отправляются в суровый горный край Месхети — туда, где каменные теснины и горные вершины, древние крепости и монастыри дышат [illegible] и древним временем, когда жил «безвестный месх» Руставели. [illegible] в этих горах родился человек, и тогда все человечество стало выше на целую голову.

Ахалцихе. Городская площадь. В проеме — между современными зданиями — виднеются развалины старинной крепости — словно перекликаются времена, разделенные столетиями. На площади — памятник юбиляру, еще завернутый белым покрывалом. Но вот оно спадает, и — простой, человечный — предстает перед нами Руставели.

К подножию памятника один за другим подходят ораторы. Звучит речь — грузинская и русская, болгарская и венгерская, вьетнамская и немецкая, французская и английская, испанская и итальянская, арабская и хинди и даже санскрит. Воистину, на родину «безвестного месха» собрались!

[illegible]

В Тбилиси, в Государственном академическом театре имени Руставели прошла международная встреча поэтов. У памятника великому поэту состоялось возложение венков.

ТБИЛИСИ. [illegible]

ПЕВЦУ БРАТСТВА

В эти дни [illegible] на страницах украинской периодической печати публикуются материалы, связанные с именем великого поэта, печатаются произведения писателей из братской Грузии. В газете «Літературна Україна» со статьями о творчестве Руставели [illegible]

В сентябрьском номере журнала «Дніпро» [illegible]

* * *

Газета «Советская Молдавия» [illegible] 800-летию Шота Руставели. О [illegible] литературы пишет Петря Дариен- [illegible] ко: «Поэма всегда оставалась непобедимой, и в этом ее сила. Другой судьбы она не могла иметь: она написана человеком для людей. Она — песня славы человеку, дружбе, мужеству...»

Голос мудрого и щедрого Шота слышен во всех уголках нашей земли. Ему посвятил свое стихотворение [illegible] Вукол.

* * *

Торжественное заседание, посвященное памяти Шота Руставели, состоялось в г. Фрунзе. Заседание открыл народный поэт Киргизии А. Токомбаев. Первый секретарь правления СП Киргизии Т. Абдумомунов в своем докладе отметил, что прошли столетия, а голос «месха» звучит на многих языках. На киргизский язык перевел «Витязя в тигровой шкуре» Алымкул Осмонов — поэма выдержала несколько изданий.

* * *

Руставелиевские чтения состоялись в библиотеках Сухуми. Литературно-художественный монтаж «Витязя в тигровой шкуре» подготовил Дом учителя. В представлении занято около двухсот участников художественной самодеятельности.

В Батумском клубе моряков открылась выставка, посвященная Руставели. [illegible]

* * *

[illegible]

* * *

В сентябрьском номере журнала [illegible]

ГОСТИ ТБИЛИСИ

В ПРАЗДНОВАНИИ 800-летия со дня рождения Шота Руставели приняли участие зарубежные писатели, ученые и общественные деятели из 32 стран мира.

В том числе писатели из Англии — Джеймс Олдридж, Эмрис Хьюз, Гевин Кросби Хайланд, профессора Гарольд Бейли, Д. М. Ланг. Из Австрии на юбилей прибыли председатель литературной секции Австро-советского общества [illegible] Гуго Гупперт. [illegible] профессора грузинского [illegible] из Голландии А. Койперс и Карл Эбелинг, детский писатель Йерген Вибе, канадский поэт Джо Уоллес, директор института литературы [illegible] профессор Хосе Антонио Портуондо.

Из Болгарии [illegible]

[illegible]

Ариан Лану, Макс Поль Фуше, а также генеральный секретарь ассоциации «Франция — СССР» Раймон Руо и один из президентов этой ассоциации Ле Амон.

Из Польши в Грузию прибыли Леопольд Левин, Вацлав Кубацкий, Ежи Загурский, Вислава Шимборска, Игорь Сикирицкий, Юлиан Пшибось, Янина Доброволская; из Румынии — Виктор Кернбах; из Чехословакии — Иван Скала, Войтех Мигалик, Вера Мигаликова, Иржи Тауфер, Вацлав Черный; из Югославии — Матей Бор, Оскар Давичо и Драгутин Тадиянович.

В юбилее Шота Руставели приняли также участие: делегация из ФРГ в составе Ганса Магнуса Энценсбергера, Юлиуса Асфальга, Карл Хорст Шмидта; писатель из Цейлона Мерации де Сильва, чилийский писатель Франсиско Коловане, швейцарский писатель Пьер [illegible], японские писатели И-Пей Фукура и Сейити [illegible].

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й | № 118 (4039) | СУББОТА, 1 ОКТЯБРЯ 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

За нашим круглым столом

ШАГИ ОДНОГО ГОДА

ПРИБЫЛЬ, плата за фонды, планирование по реализации — об этом много и горячо спорили в канун сентябрьского Пленума (1965 год) ЦК КПСС. Тогда и в «Литературной газете» за «круглым столом» скрещивали шпаги сторонники и противники экономических преобразований.

Кто же оказался прав? О чем свидетельствует первый, пусть пока еще небольшой опыт экономической реформы в стране? Как живется, работается предприятиям-первопроходцам? Какие новые проблемы — экономические, социальные, психологические — выдвигает реформа перед человеком, коллективом и обществом?

Чтобы обсудить все эти сложные вопросы, вновь собрались за нашим «круглым столом» представители предприятий, работающих по-новому, промышленных министерств, ученые, писатели. И опять, как и год назад, — заинтересованный, страстный разговор. Но теперь уже очевидно для всех: курс партии на реформу в экономике единственно верен. Жизнь подтвердила прогнозы оптимистов и отвергла сомнения скептиков.

Перемены, которые принес нам сентябрьский Пленум, говорили участники дискуссии, смело можно назвать революционными. Ведь они сопряжены не только с коренной перестройкой методов управления, но и всего стиля работы.

СТИМУЛЫ И ПЕРЕМЕНЫ

Естественно, у всех сейчас велик интерес к тому, что говорят представители коллективов, которые в числе первых перешли на новые методы планирования и экономического стимулирования.

А. М. Брайловский (главный экономист 1-го Московского часового завода): «Рубль сделал то, что не смогли сделать администраторы со всеми своими правами».

Л. И. Коварская (директор Клинской трикотажной фабрики): «Буквально изменились все представления. Нам приходилось бороться за увеличение плана, а ведь нередко мы, директора, добивались обратного».

С. В. Уткин (заместитель главного инженера Купавинской тонкосуконной фабрики): «Если говорить о людях, то намечается совершенно новое отношение к общим результатам работы предприятия».

А теперь попробуем во всем этом разобраться. Именно так поступили участники беседы за «круглым столом», пытаясь дойти до сути перемен. Последуем за ними и зададим себе те же вопросы.

Вопрос первый: какие предприятия участвовали в испытании новых методов планирования и экономического стимулирования? Самые лучшие, наиболее рентабельные. Первый часовой завод 25 раз занимал классные места в соревновании. Клинская трикотажная фабрика выполнила семилетку в три с половиной года. Почти то же самое можно сказать и о других пионерах. И тут возникает вопрос второй: есть ли основания в таком случае относить их нынешние успехи за счет реформы? Раз они и прежде работали хорошо, то, может быть, экономические рычаги и ни при чем?

— Иной раз можно услышать споры о том, что сыграло главную роль, — говорит **В. М. Иванченко**, заместитель начальника отдела внедрения новых методов планирования и экономического стимулирования Госплана СССР. — Выбор лучших, по-видимому, сказался, этого отрицать нельзя. И все-таки факты неопровержимо свидетельствуют о реальной силе экономических рычагов.

Ведь за первой группой из сорока трех по-новому стали работать еще 630 заводов и фабрик. Они выпускают 12 процентов всей промышленной продукции страны. Это уже солидная база для испытания! Тем более, что в числе их оказались такие индустриальные гиганты, как «Ростсельмаш», Харьковский турбинный завод, Невский машиностроительный и другие. По новой системе работают также 200 автохозяйств, две железные дороги — Горьковская и Свердловская. И у всех у них хозяйственные результаты лучше прежних. Не такие же, а именно лучше. Как ни сравнивай — в своей ли отрасли или всю эту группу с остальной промышленностью — все равно получается, что дела у них идут гораздо успешнее. Задания по реализации продукции, прибыли, по другим плановым показателям перекрыты намного.

Ну, а каков был план? Это третий и весьма существенный вопрос. Можно ведь (как и делалось нередко) заранее оставить себе резерв для того, чтобы к очередному празднику брать обязательства и громко рапортовать о перевыполнении. Не было ли и на этот раз такого? Факты свидетельствуют: нет, здесь все было иначе. Предприятия, переведенные на новую систему, запросили себе план гораздо больший, чем тот, который им предлагали министерства. Куда девались прежние разговоры о перегруженности оборудования, нехватке рабочих — все то, что десятилетиями служило директору надежной броней в спорах со своим главком. Теперь они сами просили увеличить им задание, рассчитывая на бо́льшую прибыль и, естественно, на более весомые отчисления в поощрительные фонды. И что же? Предприятия первой группы намного увеличили выпуск продукции и получили солидную сверхплановую прибыль. И это при значительно возросших-то заданиях! Нашлись, значит, и резервы, и все, что требуется.

В. М. Иванченко заметил по этому поводу: «Я бы сказал, что тут вступает в действие мощная сила: экономические рычаги формируют новые отношения людей в процессе производства».

Любопытно, например, как повели себя руководители Балхашского металлургического горнорудного комбината. Прежде они обивали пороги разных инстанций, выколачивая себе дополнительные ресурсы, оборудование. Но стоило перевести комбинат на новую систему, и балхашцы сразу же заявили: «У нас лишнего оборудования на четыре миллиона рублей». И оказалось, что это как раз те механизмы, в которых так нуждаются другие заводы. То же самое случилось и на Норильском металлургическом комбинате, и у многих машиностроителей. Хозяйственники быстро смекнули, что надо открывать «кубышку». Быть плюшкиными уже невыгодно. (Вот теперь лучше поймешь и А. М. Брайловского: «рубль сделал то, что не смогли сделать администраторы».)

Рубль никого не уговаривал — он действовал, причем действовал довольно-таки бесцеремонно. На том же часовом заводе, рассказал главный экономист, рубль даже навел порядок в тумбочках. Представляете, что такое инструмент на часовом заводе? Это мелкие детальки — сверла, метчики, их выдают по десятку в пакетиках. Сверловщица израсходует, скажем, восемь штук, а остальные — в мусор. Так было. А пришла экономическая реформа, и кладовщики заметили, что сверловщицы гораздо реже стали бегать за инструментом — пошли в ход запасы из тумбочек.

— Раньше, когда из-за нехватки сырья останавливалась машина, мы говорили рабочему: не волнуйся, зарплату тебе компенсируем. А сейчас он возражает: «Верно, компенсируется, ну а что будет с основным фондом?» Вот так прямо и говорят — «основным фондом», — улыбается Л. И. Коварская.

Словом, вместе с валом реформа понуждает выбросить за борт и его порождение — элементы бездумности, равнодушия. Но торжествовать еще рано. Изменить показатели и методы планирования куда легче, чем человека. Об этом много говорилось за нашим «круглым столом». И речь шла о психологических барьерах, которые предстоит преодолеть не только рабочим, но и руководителям — специалистам, директорам, работникам министерств и ведомств. Можно придумать любые показатели, утвердить любую систему. Но дело не пойдет на лад, пока все мы психологически не перестроимся, не отрешимся от старых представлений. Отсутствие доверия к нижестоящим, боязнь хозяйственной самостоятельности — все это глубоко запало в сознание многих работников сферы планирования и управления. (Такой тормоз способен останавливать даже экономические рычаги.)

— Перестройка психологии — большая проблема, — подчеркивает директор Научно-исследовательского института планирования и нормативов Госплана СССР доктор экономических наук **Н. М. Озобин**. С ним все соглашаются. Да, это важно...

За нашим круглым столом

ЖИЗНЬ ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ

Изюминка новой системы планирования и экономического стимулирования — три фонда. Предприятие за счет прибыли может накапливать свои собственные средства для развития производства, материального поощрения людей, строительства жилья. По замыслу, эти три фонда, словно три богатыря, должны отправиться в поход против прежних хозяйственных неурядиц. Но действительно ли они сражаются вместе? Что-то не видно.

Пионеры реформы пока реально почувствовали мускулы лишь одного из них — фонда материального поощрения. На часовом заводе сначала предполагали вручить каждому в конце года двенадцатидневный заработок, потом поработали получше, видят — прибыль растет и есть возможность выдать по двадцатидневному окладу. А теперь уже ясно: все, у кого стаж не менее семи лет, получат тринадцатую тарифную ставку или еще один месячный оклад. Остальные — немного поменьше. Для всеобщего обозрения косинские трикотажники вывешивают списки: кому сколько набежало в копилку из поощрительного фонда. Суммы разные, поскольку прогульщикам не начисляют ничего, лучшим больше, чем средним, и так далее... Мимо таких списков никто не пройдет равнодушно.

С поощрительным фондом все более или менее ясно. Процент отчислений установлен — чем больше прибыль, тем больше отчислений. Но как быть, скажем, с фондом жилищного строительства? Во-первых, эти отчисления невелики и на порядочный дом их не хватает. И главное, под них не вырвешь у снабженцев даже гвоздя и ведра цемента. Дают только на плановое строительство. А то, что финансируется из собственного фонда, — это вроде как ваше частное дело. И кое-где уже подумывают: а не урезать ли заводу государственные ассигнования на жилое строительство, раз у него теперь есть соответствующий фонд? И получается, что строка есть, фонд есть, а количество квартир какое было, такое и осталось.

Неясна и судьба третьего, пока еще, увы, «спеленатого» богатыря. Несмотря на свое название, фонд развития сам-то, как выяснилось, развиться не смог. По идее он должен образовываться из двух источников: отчислений из прибыли и средств амортизации. Но другой документ — финансовый план — строго требует, чтобы последние направлялись в бюджет государства. Явная неувязка! К тому же средства из фонда развития (и без того уже наполовину урезанные) нередко попадают в руки министерства и идут на подкрепление других предприятий. У министерств при этом своя логика: суммы, которые отчисляются в заводские фонды развития, слишком малы, порознь их эффективно использовать трудно, значит, лучше сконцентрировать. Логика-то есть, но этим, конечно, извращается сама идея реформы. С. В. Уткин, заместитель главного инженера Купавинской тонкосуконной фабрики, рассказал за «круглым столом»:

— Наш годовой фонд развития — 180 тысяч рублей. Недавно мы приобрели 40 станков, а они стоят 600 тысяч, пришлось оформить в долг. Фонд съели на несколько лет вперед. Нам еще нужно оборудование, но средств нет. Словом, пока что фонд развития не может развивать предприятие.

Как же быть? Очевидно, нужно поставить фонд на обе ноги — помимо прибыли, направлять туда и средства амортизации, как это и предусмотрено постановлением о новом порядке планирования. Это очень важно. Особенно на втором этапе реформы, когда будут уже исчерпаны лежащие на поверхности резервы и единственным путем получения высокой прибыли станет развитие производства на базе новой техники. Однако и в том случае, когда средств достаточно, завод все равно на свои деньги нигде ничего купить пока не может — оборудование и материалы распределяются в централизованном порядке. Если тебе не запланировано, имей хоть огромный фонд, ни одной гайки не получишь. «Если этот вопрос не решить, то средства будут омертвляться и цели не достигнем», — резюмирует Э. М. Кошманов, заместитель начальника планового управления Министерства приборостроения, автоматизации и систем управления.

В ходе реформы возникает много таких проблем. Нужны договорные отношения с органами материально-технического снабжения и сбыта, включая внешнеторговые организации. Подвел, сорвал, — плати полной мерой. Только так! А пока что бесконечно и безнаказанно меняются согласованные сроки, заказы и поставки. Как это выглядит в рублях-копейках, наглядно продемонстрировал всем начальник Управления организации труда, зарплаты и рабочих кадров Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР **Л. Д. Подгорный**, рассказавший о мытарствах вильнюсской фирмы «Нерис». Ее постоянно подводят поставщики комплектующих узлов и деталей. Фирма вынуждена содержать в Могилеве, Кутаиси, Череповце толкачей, которые, выбив детали под занавес плана, отгружают их в Литву самолетами. Штрафы с поставщиков не превышают даже командировочных расходов толкачей.

(Окончание на 2-й стр.)

ТОВАРИЩИ ЖУРНАЛИСТЫ

ТРИ дня в Москве работал Второй всесоюзный съезд советских журналистов. Вчера, обсудив все намеченные вопросы, избрав руководящие органы Союза журналистов и приняв решения, съезд успешно исчерпал свою программу.

Под бурные аплодисменты делегатов и гостей было принято заявление съезда в связи с американской агрессией во Вьетнаме. Съезд с большим воодушевлением направил приветствие ЦК КПСС.

Всесоюзная встреча работников печати привлекла внимание широкой общественности. Это естественно. Печать является мощным оружием в борьбе партии за высокие коммунистические идеалы жизни страны.

— Наша печать — один из знаменосцев духовной жизни советского общества, — сказал на съезде председатель правления Союза журналистов Эстонской ССР А. Сааремяги. — Высокая идейность, партийная принципиальность в сочетании с талантом, литературным мастерством — вот та площадка, с которой мы должны устремлять свой взгляд вперед, к решению будущих задач в области журналистики.

...Тема подготовки журналистских кадров заняла достойное место в работе съезда. Многие делегаты высказывали тревогу тем, как поставлено это важнейшее дело в различных университетах страны. На страницах «Литературной газеты» в свое время также обсуждалась эта проблема. К сожалению, в минувшие годы дело мало подвинулось вперед.

— У нас до сих пор нет научного центра, исследующего и разрабатывающего вопросы теории журналистики, — говорил с трибуны съезда делегат ленинградских журналистов М. Куртынин. — Существуют отделения и даже факультеты журналистики во многих университетах. Но посмотрите тематику и характер научных исследований, которые там ведут, и вы увидите, как они далеки от журналистики... Никто практически не занимается разработкой таких проблем, как газетное мастерство, эффективность воздействия прессы, научные методы познания жизни журналистами и т. д. Кандидат и доктор журналистики должны получить признание наряду с учеными степенями других высокочтимых наук.

Журналист и современные средства пропаганды — радио и телевидение. Эта тема тоже заняла свое место на съезде.

...Союзу журналистов нужен свой «толстый» журнал или большая газета. Союз должен вести широкую издательскую деятельность. Надо позаботиться о том, чтобы книги журналистов быстрее выходили в свет... Обо всем этом говорили делегаты съезда, особое место отведя экономике. Она присутствовала на съезде в качестве верного товарища. И это неудивительно. Наша печать уже не первый месяц серьезно занимается проблемами экономической реформы.

— Если газета благодаря умелой работе редакционного коллектива и авторского актива дает солидные накопления, — говорил представитель журналистов Грузии М. Давиташвили, — если она рентабельна, то почему редакция не может получать известную долю прибылей на дальнейшее развертывание массовой работы с читателями, на материальное стимулирование сотрудников, типографских работников, а часть накоплений тратить на улучшение своей материальной базы?

...Невозможно перечислить все проблемы, связанные с дальнейшим развитием нашей печати, которые делегаты обсуждали на съезде. Но совершенно очевидно, — большой разговор в пути был плодотворным.

Журналисты нашей страны полны энергии, жаркого стремления и впредь достойно нести народу слово партии.

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ

Идет сталь пятилетки

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ШАГИ ОДНОГО ГОДА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Возникает и другой вопрос: можно ли ритмично выполнять план реализации, если деньги за отгруженную продукцию платят кому когда вздумается? Нередко завод-покупатель (ну, прямо как в житейских делах) заявляет, что он сейчас в «стесненном положении», и просит подождать полгодика. А совхозы и колхозы привыкли рассчитываться с заводами сельскохозяйственного машиностроения после урожая. Не разумнее ли, чтобы местный банк сразу пересылал деньги, а потом уже взыскивал с должника?

Когда речь идет об экономике, а тем более о реформе, не избежишь слова «цена». Это одна из самых наболевших проблем. Многие изделия, например, восемьдесят видов льняных тканей, из-за необоснованных цен убыточны для изготовителей. А как получить прибыль с убыточной-то продукции? И как же без прибыли образовывать поощрительные фонды? На эти вопросы пока нет ответа.

До сих пор предприятия получают задания финансовых органов по сокращению административно-управленческих штатов и расходов. Это противоречит не только духу реформы, но и принятым после сентябрьского Пленума постановлениям правительства, в которых прямо сказано: заводам и фабрикам, работающим по-новому, должен утверждаться только общий фонд зарплаты.

— Да, в связи с переходом на новую систему у нас много вопросов,— сказал заместитель министра легкой промышленности РСФСР **В. К. Успенский**.— Я здесь назвал только шесть или восемь проблем, но их гораздо больше. С наскока их не решишь, шапками не закидаешь.

Заместитель министра прав: настроение «шапкозакидательства» чревато опасностью дискредитации серьезного дела. Подчеркивая эту мысль, кандидат экономических наук **И. Я. Бирман** говорит:

— Гражданская обязанность каждого из нас заключается сегодня в том, чтобы всеми способами, мерами и силами, которыми мы располагаем, помогать решению возникающих в ходе реформы проблем. Легче всего бездумно одобрять «правильное направление». Труднее, но в тысячу раз необходимее и полезнее анализировать, вскрывать противоречия, показывать, что в действительности получается, и, главное, практической работой добиваться полной реализации задач, определенных сентябрьским Пленумом ЦК КПСС. Ведь если возникающие в ходе реформы проблемы не решать и они через год встанут во весь рост, то наверняка найдутся люди, которые скажут: мы же говорили, что реформу не надо проводить. Но мы не доставим им этого удовольствия. Проблемы, которые выдвигает жизнь, должны быть и будут решены!

НОВЫЙ ЭТАП

КАКОЙ этап переживает наша реформа? Доктор экономических наук **А. М. Бирман** задал этот вопрос не случайно. Некоторые говорят о реформе уже в прошедшем времени, свертывают знамена. А между тем, развивает свою мысль ученый, экономическая реформа у нас только начинается. До сих пор был лишь период подготовки, новую систему испытывали специально отобранные предприятия. И сейчас идет «обкатка» только самых первых идей.

В будущем году на новый режим работы перейдут целые отрасли промышленности. В том числе многие заводы и фабрики, чье финансовое лицо сегодня неприглядно. Не выполняющие план, убыточные — как они будут жить в новых условиях? Начальник финансового управления Министерства легкой промышленности РСФСР **В. М. Сухоруков** привел цифры: 687 предприятий этого министерства перейдут на новую систему с 1 января, еще 252 — с 1 апреля. О том же говорят и приборостроители — у них в первом квартале переходят все заводы. Словом, на передовые позиции выдвигаются целые отрасли промышленности.

А насколько готовы к этому органы планирования, управления, финансирования, снабжения? Готова ли экономическая наука?

Пока в министерствах сидели на двух стульях (планировали одновременно по старой и новой системе), прежние методы все-таки преобладали. Вчера еще как-то с этим можно было мириться. Но завтра, если с ними не распрощаться, — жди неприятностей. Уже есть тревожные факты. Предприятиям Министерства приборостроения, автоматизации и систем управления, по словам Э. М. Кошманова, стали планировать еще большую номенклатуру изделий, чем прежде. Это противоречит принципам новой экономической реформы. И еще. Как и раньше, заводы и фабрики не имеют устойчивых производственных планов. «Изменения вносятся ежедневно»,— констатирует заместитель министра В. К. Успенский.

Пришла пора и работникам центральных ведомств учиться управлять по-новому. В Министерстве легкой промышленности Федерации, как выразился В. К. Успенский,— «экономическая лихорадка»:

— За последние три месяца мы пропустили через краткосрочные курсы 1 700 руководителей предприятий. Пропускаем в двухнедельный срок.

Конечно, такое торопливое «пропускание» — не выход. Но сейчас важно вооружить хотя бы минимальными знаниями. Учатся и сами работники министерств — от рядового специалиста до членов коллегии. Начальники экономических отделов, помимо своих основных обязанностей, выполняют роль преподавателей. Но многие из них откровенно признаются, что им тоже не мешало бы переучиться — ведь вузовские представления об экономике устаревают с каждым днем. Здесь слово за большой экономической наукой, которая пока еще медленно разворачивается. Нужны изданные массовым тиражом лекции крупных ученых по животрепещущим проблемам реформы, нужны постоянно действующие семинары при вузах, необходимо пересмотреть учебные программы. На предприятиях «проглатывают» сейчас все, что удается достать, но литературы мы издаем еще мало и не всегда такую, что нужна.

Говоря о роли экономической науки сегодня, кандидат экономических наук **В. Д. Белкин**, заместитель начальника сводного отдела Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике **Л. А. Вааг** и другие участники беседы называли и коренные, теоретические проблемы, ждущие решения: новая роль банков как аппарата хозяйственного управления, теория и практика определения производительности труда, рентабельности, размер платы за производственные фонды, принципы хозяйственного расчета, ценообразование.

— Нельзя основывать переход лишь на эмпирических методах, — сказал Л. А. Вааг. — Нужны серьезные научные рекомендации, а сейчас, как мне кажется, в экономических кругах наблюдается некое неоправданное затишье. Долг ученых — освещать ход реформы прожекторами экономической мысли.

Общее мнение: хозяйственная реформа — это не только новые методы планирования и экономического стимулирования предприятий. Как добрый пахарь, реформа поднимает новые пласты: комплекс проблем в области управления, ценообразования, банковского кредита. Прав заместитель начальника отдела Госплана СССР В. М. Иванченко: мы лишь на ближних подступах к решению этих проблем. Главная работа еще впереди. «Стадия становления» — так определил он нынешний период. Надо переводить на новую систему транспорт, все материально-техническое снабжение, да и сами органы управления. Это не оговорка: речь идет о хозрасчетных главках, трестах, объединениях.

Добиться максимального совпадения интересов человека, коллектива и общества, выгодное для всех сделать выгодным каждому — вот смысл экономической реформы.

Сентябрьский поворот в экономике страны уже приносит ощутимые плоды. Конечно, в новом деле такого масштаба нельзя обойтись без трудностей, приходится решать многие сложнейшие проблемы. Но важно, что мы идем верной дорогой, — таково твердое убеждение всех, кто в годовщину сентябрьского Пленума ЦК КПСС встретился за «круглым столом» нашей газеты.

Разговор за «круглым столом» записал А. ЛЕВИКОВ.

ЦЕНА СНИСХОДИТЕЛЬНОСТИ

Борис ВОЛОДИН

ЭТО рассказ о том, как молодой человек по имени Георгий Константинович Барашков чуть было не сделался доктором наук. История сия, увы, не нова: еще в 1881 году Анатоль Франс в «Преступлении Сильвестра Бонара» писал:

«Наша снисходительность шла далеко. Она была готова хвалить заодно и ученого, и невежду. А надо уметь порицать, это суровый долг. Я вспоминаю маленького Раймона (так его звали). Он ничего не знал, был крайне ограничен, но очень любил свою мать. Мы старались не выдавать невежество и тупость такого хорошего сына, и благодаря нашей снисходительности маленький Раймон стал академиком... почести сыпались на него дождем. Он стал всемогущ, к великому ущербу своих собратий и науки».

В 1953-м, по окончании университета, Барашкова рекомендовали в аспирантуру. Я спрашивал бывших его однокашников: «Может, в ту пору он хоть как-то показывал склонность к научной работе?»

— Гелка? — восклицали они, называя его так по привычке далеких студенческих лет.

— Нет, Гелку как биолога никто не воспринимал всерьез.

— ...Но он был активным общественником! И компанейским парнем!

— ...Он был лучшим баскетболистом сборной университета!

Сильвестр Бонар и его коллеги проявили снисходительность к «хорошему сыну». Разница невелика: в нашем случае сборной МГУ по баскетболу понадобилось сохранить лучшего своего нападающего. И потому на одной из кафедр два года пребывал в аспирантуре специалист по забрасыванию мячей в проволочное кольцо.

К РОЛИ исследователя Барашков подготовлен не был. Ведь на несчастье он и студентом-то стал в памятном биологам 48-м году и, увы, лучше прочего усваивал проклятья, которыми осыпали труды Грегора Менделя, Николая Вавилова и других крупнейших биологов-экспериментаторов. Он заучил утверждение, что если обнаруженные в природе факты противоречат теории одного академика, то тем хуже для этих фактов. И он видел, как иногда одни лишь перепевы теории оного академика кое-кому приносили блага более ощутимые, чем другим тяжкий научный поиск.

Однако Барашков не один приобщался к биологии в те годы. Я знаком с многими настоящими — подчеркну это — исследователями, учившимися вместе с ним.

И у Георгия Константиновича была возможность войти в настоящую биологию — замечательная возможность! Его зачислили в аспирантуру в одну из лучших наших исследовательских школ. Прояви он у него элементарное прилежание, и он стал бы... ну хотя бы профессионально-грамотным биологом. Но он не проявил прилежания. И когда ему предложили участвовать в экспедиции на славном «Витязе», чтобы собрать материал для работы по биологии одноклеточных морских водорослей, он усмотрел в экспедиции в первую очередь приятную морскую прогулку. Он знал, что если не справится с аспирантской темой, руководителю его могут посоветовать подыскать тему полегче, «подиссертабельнее». Порекомендовать «тщательнее руководить» опытами подопечного, «углубленнее редактировать» главы его диссертации.

К удивлению Барашкова, на исходе двух лет терпение научного руководителя иссякло. Крупный ученый решил, что лучше претерпеть упреки за невыполнение плана, чем растить научного тунеядца, и выставил нерадивого баскетболиста за дверь. Однако руководитель мог выгнать его только с кафедры, а не из науки.

В среде исследователей бытует немало озорных пословиц. Например, такая: «Наука — это способ удовлетворения личного любопытства за общественный счет». Но Георгий Константинович был начисто лишен этого удивительного ненасытного любопытства ученых, благодаря которому затраты общества на научные изыскания компенсируются полезнейшими сведениями о мире живой и неживой природы. Поэтому своим девизом Барашков избрал пословицу: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан». В его голове эта шутка трансформировалась в циничный жизненный принцип.

РАССТАВШИСЬ с университетом, он очутился в Мурманске, в Полярном институте рыбного хозяйства и океанографии.

Барашков был не лишен наблюдательности. Он усвоил, например, какое впечатление производит на коллег марка научной школы, с которой он так по-недоброму расстался. И потому, совсем чуть-чуть греша против истины, он ронял иногда: «Я ученик академика такого-то и члена-корреспондента такого-то».

По прямым служебным обязанностям Георгий Константинович должен был заниматься в Полярном институте биохимическими аспектами технологии переработки рыбы. Но, поиграв немного на человеческой доброте, он добился возможности в рабочее время «завершать» диссертацию по одноклеточным водорослям, бесславно начатую в аспирантуре.

Еще Барашков знал, что не у всякого оппонента или рецензента достает времени и усердия выверять, правильно и полностью ли цитируются литературные источники. Зато благоприятно и расслабляюще действует свидетельствующая об эрудиции автора научного труда общепринятая манера литературного обзора: «Чаргафф (1950) установил, что... А Чэпмен (1953) и Смит (1962) почти не затрагивают филогенетических взаимоотношений. Между тем... и т. д.» А надлежащее оформление графиков и имена солидных лабораторий на диссертационной обложке способны усыпить бдительность так, чтобы оппонент не заметил натяжек в результатах опытов.

В Полярном институте, чей гриф красовался на диссертации, специалистов по водорослям не было, но там полагали, что точность экспериментальной части работы гарантирована кафедрой МГУ, где эксперименты были произведены. Однако диссертацию свою Барашков подал к защите не в Москву, а в Ленинград. Там, в Ботаническом институте Академии наук, полагали, что чистота опытов гарантирована уже двумя учреждениями, где работа «выполнялась». По странной случайности автореферат диссертации был прислан на кафедру МГУ и попал в руки ученого, изгнавшего Барашкова только тогда, когда выданный ВАКом кандидатский нимб уже осенял Георгия Константиновича. Барашков все рассчитал с точностью, которой и до и после недоставало его биохимическим опытам.

Теперь Георгий Константинович счел себя уже забронированным от всяких неприятностей, ибо он обладал степенью. Он бездельничал. А Полярный институт искал способ, как бы без скандала и кляуз избавиться от него. И нашел! По соседству — в Дальних Зеленцах — в Мурманском морском биологическом институте объявилась вакансия... заведующего лабораторией биологии водорослей.

Георгию Константиновичу быстро устроили «падение вверх».

Тут-то он и развернулся, подобно упомянутому в начале статьи академику из романа Анатоля Франса, — «к великому ущербу своих собратий и науки».

ПЛАНИРУЯ работу возглавляемой лаборатории, Барашков помнил, какое впечатление производят обещания практических достижений, которые могут принести сельскому хозяйству некие простые с виду научные начинания. А потому из сложных вопросов биологии водорослей и их роли в круговороте веществ он выбрал с виду самые легкоразрешимые — подсчет запасов и химию прибрежных водорослей — только для того, чтобы заговорить об использовании водорослей в сельском хозяйстве, например, для кормления кур водорослевой мукой.

Его убеждали, что испытывать кур этой мукой уместнее было бы в отраслевой птицеводческой лаборатории, но не в институте, созданном для изучения фундаментальных проблем гидробиологии. И что ни говорили по этому поводу коллеги, как ни твердили, наконец, что подсчетами промысловых запасов прибрежных водорослей занимается специальная лаборатория в Архангельске, — Георгий Константинович добился утверждения облюбованной темы. Он заворожил руководителей областных организаций хозяйственными перспективами еще не начатых им изысканий и получил поддержку. Она была нужна позарез, ибо путь его не был усыпан розами.

...Уехал из Зеленцов директор, неосторожно зачисливший его на работу. Два его преемника и весь коллектив все пять лет не проявляли к Барашкову ни грана снисходительности. Он писал статьи о запасах водорослей на Мурмане, но коллеги ловили его за руку и доказывали, что для их написания он воспользовался чужими данными, ибо собственных не накопил. Он подал в официальные инстанции «технико-экономические обоснования строительства водорослевых заводов на Мурмане», но было вскрыто, что «обоснования» — чистейшая липа...

И тем не менее Барашков устоял, как скала. Он и по сей день ходил бы в новаторах, привлекающих — пусть с ошибками — внимание к насущным нуждам практики, но в институтах Кольского филиала Академии наук был проведен конкурс на соответствие научных сотрудников занимаемым должностям. Ученый совет Морского биологического института при одном голосе «против» — он принадлежал самому Барашкову — низвел кандидата наук из заведующих лабораторией в младшие научные сотрудники. И даже мощная серия кляуз не принесла ему проку.

Тогда Барашков, как и принято в столь трудные минуты, попросил дать ему творческий отпуск для написания докторской диссертации. Он представил план, по которому действительно можно было бы написать хороший обобщающий труд о морских водорослях. К плану были приложены еще и отзывы... на план — образцы жанра малоизвестного, ибо рецензируются обычно не планы диссертаций, а сами работы. Отзывы были подписаны академиком-биохимиком А. И. Опариным, членом-корреспондентом АН гидробиологом Л. А. Зенкевичем, доцентом МГУ М. М. Телитченко, заведующим отделом Ботанического института профессором М. М. Голлербахом... По мнению Барашкова, эти отзывы должны были доказать провинциальным зоологам и гидрологам, сколь недооценивают они пробойности коллеги, отстраненного ими от заведования.

Оценив эту пробойность, закаленные в климате Крайнего Севера зоологи вынесли неприятное для Барашкова решение: они отложили вопрос о творческом отпуске и утверждении плана диссертации до поры, пока соискатель не представит необходимый экспериментальный материал.

Однако прошло немного времени, и приехавший в Ленинград и. о. директора института Юрий Иванович Галкин случайно узнал, что в Ботаническом институте уже назначена защита диссертации Г. К. Барашкова, недавно побывавшего в Ленинграде.

Как далее выяснилось, диссертацию приняли к защите потому, что Георгий Константинович представил к ней подложное заключение «учреждения, в котором выполнена работа». Вместо заключения ученого совета института то было заключение научного семинара лаборатории, некогда им возглавляемой. Семинар, как выяснилось, состоял из самого Барашкова, его аспирантки Алисы Гринталь, чьи представления о требованиях к научной работе сложились под влиянием ее непосредственного руководителя. Третьим участником семинара (три — уже собрание) была юная лаборантка с научной квалификацией в объеме девяти классов заочной средней школы. Как свидетельствует протокол, она также признала диссертацию достойной докторской степени.

Но даже после этого у Георгия Константиновича нашлись защитники. В Зеленцы приезжал ученый секретарь Кольского филиала Академии наук Ю. А. Шашмурин. Он предлагал членам ученого совета все-таки рекомендовать задним числом диссертацию Барашкова, дабы филиал обогатился еще одним доктором наук. («Неужели она не тянет хотя бы на «троечку»?») Но ученый совет стоял на своем.

В ДАЛЬНИХ ЗЕЛЕНЦАХ я присутствовал на последнем заседании ученого совета из посвященных Георгию Константиновичу. Затем был на заседании президиума Кольского филиала Академии наук. Должен заметить, что руководство президиума трезво и критично разобралось во всем происшедшем. Карьере Барашкова, наконец, подведен итог.

Но, заканчивая рассказ, вспомним о самом тяжком ущербе, причиненном Барашковым,— большем, чем деньги, затраченные за годы на бросовые работы. Ведь Барашков несколько лет руководил молодыми сотрудниками лаборатории. Чему он обучил их? Тому, как нельзя работать?!. Годы их труда тоже ушли впустую.

Вот какими оказались последствия компромиссов, которые были проявлены в этой истории не раз.

В науку на самых первых этапах должен быть закрыт доступ людям случайным. Дело ученого — поиск истины. Для этого дела нужны и талант, и трудолюбие, и совершенно определенные моральные качества. И это следует помнить, решая, может или не может некий человек носить высокий титул исследователя. Достоин ли он его.

ЛЕНИНГРАД — АПАТИТЫ —
— МУРМАНСК — ДАЛЬНИЕ
ЗЕЛЕНЦЫ — МОСКВА

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ

Москва в 4.00

Скоро выйдет в свет десятый номер журнала «Юность».

350-летие со дня смерти Мигеля Сервантеса журнал отмечает публикацией «Вступаюсь за униженных». Д. Данин в разделе «Публицистика» рассказывает о том времени, когда выдающийся советский физик Петр Леонидович Капица работал в лаборатории Эрнста Резерфорда.

Заканчивается публикация романа-документа Анатолия Кузнецова «Бабий Яр», а также продолжает печататься повесть Аркадия Адамова «Стая».

В журнале публикуются воспоминания А. И. Микояна о Серго Орджоникидзе (к 80-летию со дня рождения).

С согласия редакции журнала «Юность» мы воспроизводим отрывок из воспоминаний А. И. Микояна.

А. И. МИКОЯН

ЛЕНИН ЗАЩИЩАЕТ КАНДИДАТУРУ СЕРГО

«К читателям «Юности»

Жизнь каждого из нас озаряется особым светом, когда мы встречаем человека, о котором можно сказать: вот как надо жить! Одним из таких людей был замечательный большевик Серго Орджоникидзе. Мы его потеряли в феврале 1937 года. В октябре этого года ему исполнилось бы 80 лет.

Мне посчастливилось много лет работать рядом с Серго. И если эти страницы воспоминаний хоть в какой-то мере помогут дать представление о героическом облике Орджоникидзе, то моя цель будет достигнута.

Пусть навсегда останутся для нас примером самоотверженные борцы за великое дело Ленина!

Октябрь 1966 г. **А. Микоян»**

В сентябре 1920 года состоялась IX Всероссийская конференция РКП(б). Встретиться на ней с Серго мне не пришлось: он на эту конференцию приехать не смог. В ряде районов Северного Кавказа в это время вспыхнули кулацкие восстания, и он руководил их подавлением. Наряду с этим шла упорная борьба за упрочение Советской власти на местах, за восстановление хозяйства, и прежде всего нефтяной промышленности в Грозном и Баку. Все это не позволяло Серго оторваться от дел.

В ноябре 1920 года началось организованное коммунистами Армении восстание, свергшее буржуазное дашнакское правительство. На поддержку армянским большевикам были направлены некоторые части Красной Армии. Борьба за победу Советской власти в Армении, руководство которой также приходилось осуществлять Серго, была нелегкой. Видя слабость новой власти, дашнаки с помощью меньшевистского правительства Грузии предприняли контрреволюционное выступление и снова временно захватили власть. Но вскоре революционные рабочие и крестьяне при поддержке подошедшей Красной Армии восстановили в Армении Советскую власть.

Орджоникидзе принимал также участие в революционных событиях в Грузии. Меньшевистские правители Грузии помогали как контрреволюционным дашнакам, так и сбежавшим с Северного Кавказа реакционным деятелям горских народов. Кроме Грузии, все Закавказье было уже советским. Грузинские рабочие, широкие слои крестьянства все активнее стали выступать за Советскую власть. Коммунисты готовились к открытой борьбе за победу революции. По просьбе грузинских революционеров части Красной Армии пришли на поддержку начавшегося народного восстания, и 25 февраля 1921 года над Тбилиси было поднято красное знамя Советской власти.

Серго по горло был занят этими событиями. То, что все Закавказье встало под знамя Советов, явилось великой победой. Но нелегко было закрепить Советскую власть, особенно в Грузии, где шла упорная борьба, требовавшая неослабного внимания Кавбюро ЦК во главе с Орджоникидзе.

И на этот раз обстановка не позволила Серго выехать в Москву на X съезд партии, который состоялся в марте 1921 года. Накануне съезда в течение более трех месяцев нашу партию лихорадила дискуссия о роли профсоюзов. Образовались фракционные группировки со своими платформами, угрожавшие ее единству. Орджоникидзе занял в этой дискуссии четкую ленинскую позицию, был целиком на стороне Ленина. В феврале, выступая на III съезде Компартии Азербайджана с докладом о профсоюзной дискуссии, он блестяще разъяснил суть этой дискуссии, вскрыл антипартийность позиций Троцкого и Шляпникова. Съезд большевиков Азербайджана подавляющим большинством поддержал платформу Ленина.

Хотя Орджоникидзе на X съезде РКП(б) не присутствовал, речь о нем зашла в связи с обсуждением кандидатур в состав Центрального Комитета партии. Несколько военных делегатов с Северного Кавказа неожиданно выступили с отводом кандидатуры Орджоникидзе. Сидели эти делегаты в последних рядах и шумели на весь зал о том, что, мол, Орджоникидзе кричит на всех, командует, не считается с местными работниками, а потому не может быть в составе ЦК.

В защиту Орджоникидзе выступил Сталин. Говорил он в спокойном тоне, тихим голосом. Привел биографические данные, рассказал о работе Серго в подполье, на фронтах гражданской войны и рекомендовал избрать его в ЦК. Было видно, однако, что он не убедил северокавказских товарищей, которые продолжали шуметь.

Тогда выступил Ленин. Он сделал примерно следующее заявление: Я знаю товарища Серго давно, еще со времени подполья, как преданного, активного, бесстрашного революционера. В гражданской войне он показал себя храбрым, способным организатором. Но в критике выступавших товарищей есть одно правильное замечание по адресу товарища Серго. Это то, что он кричит на всех. Это верно. Он громко говорит, но вы, наверное, не знаете, в чем дело. Он и со мной, когда разговаривает, так же кричит. Потому что он глуховат на левое ухо. Поэтому и кричит — думает, что другие его не слышат. Но нельзя этот недостаток принимать во внимание...

И Ленин поддержал кандидатуру Орджоникидзе.

Выступление Ленина вызвало добрые улыбки собравшихся. Он обив атаки на Орджоникидзе. А ведь были серьезные опасения, что окажется много голосов против. После выступления Ленина при тайном

Навстречу

IV ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Сегодня мы ведем разговор о проблемах, волнующих литераторов «периферии», и публикуем заметки о новинках сатирического жанра

НЕТ ПРОВИНЦИИ В СТРАНЕ ПОЭЗИИ!

В. ГОРДЕЙЧЕВ

НАСУЩНЫЙ и серьезный разговор начала «Литературная газета», опубликовав в номере от 22 сентября с. г. статью Григория Бровмана «Единая, всесоюзная...». Каждому ясно, что не география определяет появление талантливого произведения. Творения таланта равноценны, независимо от того, на местной или столичной почве они появились, и отношение к ним должно быть без скидок на столичность или периферийность.

Размеры газетной статьи не позволяют мне подробно рассказать об интересной работе таких поэтов-земляков, как Алексей Прасолов, Павел Мелехин, Олег Шевченко, Владислав Зорин, Виктор Поляков. Стихи этих авторов, к сожалению, не встречают пока должного внимания критики.

Между тем подробный анализ всего доброго, содержащегося в их книгах, мог бы показать, что творчество многих поэтов, работающих в областях и краях далеко от Москвы, очень часто выдерживает сравнение с продукцией собратьев-москвичей. Но, признав это истиной, не следует совершенно выбрасывать из нашего словаря слова «провинция», «периферия». Если почитать иные доклады и выступления на писательских съездах, можно уловить в них некий успокоенный тон. Категорическое, ставшее модным утверждение о неделимости литературы и литераторов на столичных и прочих заслоняет в таких разговорах реально существующую проблему. А проблема состоит в том, что провинция, периферия все же есть, как и связанные с нею трудности, мешающие писателям «глубинки» быть с московскими собратьями на равных. Трудности эти затрагивают нашего брата, всех без исключения: и молодых, начинающих, и зрелых, получивших известность.

Прежде всего — трудности с печатанием. Даже в больших областных городах, чтобы жить профессиональным трудом, печататься практически негде. На газету, раз в месяц помещающую литстраницу, надежды, конечно, невелики. В зональных издательствах (в Воронеже, например, одно издательство на пять областей), чтобы напечатать книгу, нужно ждать очереди два-три года. В зональных журналах — там, где они есть, — из-за малой периодичности, из-за нехватки места очередность едва ли не большая.

Писателям, кому уже известна дорога в редакции Москвы, немного легче. Раз-другой в году они появляются в столице «напомнить о себе». К сожалению, домашние заботы «о хлебе насущном» не позволяют наезжать в Москву с деловыми визитами так часто, как им бы хотелось. Родная организация, что в Москве на набережной Тореза, тоже не поощряет такие визиты. Ведь всего год назад Союз писателей РСФСР разослал областным отделениям циркуляр о том, что писателям, в весенне-летний период приезжающим в Москву, предоставление мест в московских гостиницах он, союз, не гарантирует. Хороша забота, нечего сказать!

На мой взгляд, надо чаще «вытягивать» литераторов с мест на столичные обсуждения. Молодых это, кромо всего прочего, знакомило бы с Москвой, с ее театрами, музеями, библиотеками, с ее наполненной духовной жизнью, с многочисленными редакциями журналов и газет.

В последние годы Союз писателей РСФСР практикует выездные секретариаты по работе с молодыми. Выезды эти дали немало полезного, выявили много новых имен, привлекли к ним внимание. Тем не менее позволю себе высказать такую мысль. Мне кажется, с не меньшей пользой такие секретариаты могли бы проводиться и в самой Москве. Даровитых молодых стоит чаще приглашать в столицу, обсуждать их произведения. Эти слеты вызвали бы точно такой же резонанс, как и деловой разговор в Чите или Кемерове.

Личное присутствие писателей с периферии в Москве — таким видится мне один из главных путей к приобретению известности литератора и в читательских, и в литературных кругах. Очень мало пока делает для этого Бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей СССР. Между тем можно было проводить в Москве, скажем, недели встреч-выступлений перед читателями поэтов и прозаиков из разных областей республики. Это были бы своеобразные съезды товарищей по работе. Ведь чего греха таить, мы очень мало знаем друг о друге, о том, что делается в писательских организациях за пределами воны. Творческое общение с соседями помогало бы обмениваться полезным опытом работы в организациях, сплачивало бы писательские коллективы, повышало бы общую ответственность за состояние дел в литературе. А то сейчас, например, происходит такая странная вещь, когда живущие, скажем, в Воронеже не представляют себе, что хорошего издано в последнее время, скажем, в Свердловске, Туле или Хабаровске. Живое общение «периферийных» литераторов помогло бы разрушить эту отчужденность, шире пропагандировать достойные произведения, появляющиеся «во глубине России». Бюро пропаганды литературы следовало бы многообразней использовать свои возможности. Ежегодные приглашения пяти-шести поэтов издалека на «День поэзии» в Москве выглядят слишком немощным усилием по сравнению с тем, что действительно может сделать столь могущественная организация для поддержки литературной жизни в областях.

Организационная работа союзов писателей — не замок за семью печатями. Писатель периферии вправе знать, что делается в работающих при союзах комиссиях и секциях. Я, например, очень жалею, что в антологию «Поэты Отечественной войны», вышедшую в Гослитиздате под редакцией А. Суркова, не вошли талантливые стихи Валентина Шульчева, поэта-партизана, погибшего в 1943 году под Курском. Произошло это из-за того, что о создании такой антологии не было объявлено в печати, и Воронежское отделение не смогло послать в издательство стихи поэта. Между тем стихи Шульчева, известного перед войной поэта, вполне заслуживают быть включенными в такое серьезное издание. Кстати сказать, в книжке, изданной «Молодой гвардией», «Имена на поверке» есть некоторые его стихи. Читатели могут там познакомиться с ними и по достоинству оценить их силу.

Нечто странное происходит и с планируемой к изданию в 1967-м, юбилейном году новой антологии русской советской поэзии. О ней тоже пока не было объявлено в печати. Ни составители, ни предполагаемый состав антологии поэтам-немосквичам не известны. При такой «секретности» легко предположить, что литераторам, живущим и работающим в провинции, в антологии не найдется места. Так на поверку оборачиваются иногда благие разговоры о единой стране Поэзии.

Страна Поэзии — благословенная страна. И в Москве, и в провинции работают поэты, одержимые желанием быть нужными читателю как добрые друзья и советчики. Надо объединять и поддерживать в этом желании собратьев по общему делу. И ясное представление о периферийных трудностях должно породить столь же ясные и конкретные предложения и действия — вот чего, в частности, я жду от предстоящего писательского съезда.

ВОРОНЕЖ

ЮМОР С КОММЕНТАРИЯМИ И БЕЗ

Н. ЛАБКОВСКИЙ

С НЕКОТОРЫХ пор издательства стали публиковать сатиру только самого высокого качества. Я убедился в этом, прочитав аннотации, напечатанные либо на оборотах титульных листов, либо на суперобложках сатирических книг.

В этих представлениях, как правило, все авторы «смешно и остроумно», «едко и остроумно» бичуют, высмеивают... Разумеется, авторы рекомендуемых книг не повинны в подобном славословии. Скорее всего они были бы даже довольны, если бы издательства дали возможность читателям самим разобраться в том, насколько беспощадно, едко, смешно, остроумно авторы разоблачают и высмеивают тунеядцев, рвачей, мещан, лодырей. А то ведь берешь в руки книгу с редакционной «передовицей» и чувствуешь себя как-то неловко: не отдельная личность, а целая организация заявляет, что это остроумно и смешно, ты же, непонятливый, не улыбнешься.

Должен отметить, моя ирония вовсе не означает, что книги, о которых пойдет ниже речь, не веселы, не остры, не боевиты. Но, к радости читателей, они далеко не так стандартны, как это изображается в издательских аннотациях. И, пожалуй, интересно посмотреть, с каких позиций, по каким явлениям и с каким мастерством ведут авторы сатирическую пристрелку.

Вот перевернута последняя страница юмористической повести «Три мушкетера из Сухих Млинцев» (издательство «Советский писатель»). Ее автор украинский писатель Виктор Безорудько родился на Полтавщине. Людей своей земли он знает отлично. Он умеет разглядеть их трудолюбие, достоинство, доброту и щедрость души. Но от пристального взгляда Безорудько не скроются и недостатки.

...Жители Сухих Млинцев уже назвали бы свое село коммунистическим, если бы не три лодыря, бросающие тень на него. В насмешку односельчане прозвали их «тремя мушкетерами». Но лентяям ни увещевания, ни ирония не в укор — они по-прежнему упорствуют в своем бездействии и лишают родное село возможности получить почетное звание.

Казалось бы, чего проще — выселить тунеядцев. Но это просто по букве закона. А по человечески? Ведь эти люди тут выросли, они местные, они связаны с селом семейными узами. И еще одно — они не просто лентяи, они, видите ли, лентяи с принципами, с «философией».

Автор ставит своих горе-героев в уморительно-комические положения. Мушкетеры увязают в умело сплетенных сюжетных коллизиях и, сами того не замечая, становятся участниками общего дела. А тут уж трещат по швам их дутые принципы. Какой же крестьянин, взявшись за дело, бросит его, не закончив...

Книга написана сочно, звонко, она вызывает смех и заставляет о многом задуматься. Этому способствует мастерский перевод А. Семенова и В. Доронина, которые донесли до русского читателя все особенности щедрого юмора Виктора Безорудько. Желая похвалить автора, издательство в своей аннотации на первый план выдвинуло «трех мушкетеров». А ведь героями этой повести являются не три тунеядца, бросающие тень на село, а все село, против тунеядцев ополчившееся. И получается, что книга эта не «о тех, кто старается легко и беззаботно жить», а о тех, кто старается сделать жизнь честной и счастливой.

Молдавскому поэту Константину Кондри не так повезло с переводчиками. Кстати, о проблемах перевода произведений наших коллег из братских республик тоже следует серьезно подумать. Хороший юмор потому и зовут тонким, что от прикосновения неумелых рук он рвется. Конечно, переводить стихи, да еще юмористические, труднее, чем прозу. И кишиневское издательство «Картя молдовеняскэ» поступило опрометчиво, издав стихи Кондри в далеко не всегда радующих переводах Г. Перова и К. Семеновского. Ну, вот хотя бы такие переводческие ребусы:

«Есть папиросы, что шипя
дымят.
И спички, что в молчании
горят» (?)
«Ах, это же просто немыслимо
Так быстро пуститься
с размаху!»
«За превышенье скорости
не штрафили».
«Пусть будет мне охранницей
примерной...»

Я перерыл все словари от Даля до Ожегова и не нашел глагола «штрафить» и «охранницы». «Охранник» есть и «охранительница» есть, а «охранницы», ну ей-же-ей, нету.

Вместе с тем сюжеты и темы стихов Кондри свидетельствуют о том, что он интересный сатирический поэт и эпиграмматист. Это подтверждает и стихотворение (удача переводчика Г. Перова!), которое по иронии судьбы носит название «Неудача».

В последнее время на сатирическом небосклоне появились новые звезды. Как и всякие звезды, они разной величины. Радостно то, что многие из них засветились в национальных республиках, встали на ноги настолько прочно, что не нуждаются в скидках и снисхождении. Поэтому полезно говорить об их успехах и просчетах с одинаковой откровенностью. Обнаружились новые приемы, новые объекты осмеяния и... новые подражатели. В общем, юмор одних нуждается в комментариях, других — нет.

В свое время два известных сатирика, советский поэт Эмиль Кроткий и польский поэт Станислав Ежи Лец, обогатили литературу своими юмористическими афоризмами. Кроткий — «Отрывками из ненаписанного», Лец — «Непричесанными мыслями». К сожалению, их обоих уж нет среди нас. Но появилось неисчислимое множество некоронованных наследников. Последние — афоризмов не записывают, а сочиняют. Основа почти всех этих сочинений — каламбур. Каламбур во что бы то ни стало, часто вымученный, и неоправданный. Чуть ли не все журналы и газеты спешат блеснуть собственными перлами короткометражного остроумия.

В книжке рижского сатирика Ц. Меламеда «Улыбки до востребования», выпущенной в нынешнем году издательством «Лиесма», есть на эту тему смешной пародийный рассказ «Каламбурильщики». Инженер Сорокин опубликовал в газете следующий «Плод размышлений»: «Поэт находился на распитьи».

Все его знакомые и соседи стали тут же сочинять собственные «плоды»: «Он взял быка за бока», «Торгуя грибами, загрибала деньги», «Пил ром и считал себя романтиком».

Читаешь, улыбаешься. Злая пародия! Но не можешь отделаться от мысли, что ты уже нечто подобное читал. Причем, совсем недавно, только что! Листаешь книжку Меламеда вновь. Ну вот же, конечно, раздел «Мысли в розницу» того же автора. Однако теперь это не пародия. Теперь это «плоды» всерьез: «Писатель-изморист», «Художник-бутылист», «Дружеский фарш».

Выходит, что мы присутствуем при редчайшем случае сатирического самобичевания: автор спародировал самого себя. Впрочем, оказывается, не только себя, но и своего земляка Юрия Никольского, чья книжка «Прошу слова!», выпущенная тем же издательством в том же году, просто нашпигована подобными афоризмами.

Справедливости ради надо заметить, что и Меламед, и Никольский — люди способные. Там, где они не идут путем подражательства, а ищут собственные пути, они достигают успехов.

В книжке Меламеда помещены хорошие юморески «Маг», «Благодарность», «Визит инспектора», «Сложная наука», «Гвоздь». Меламед умеет писать лаконично, остро, приберегая оправданную неожиданность для финала. Вот пример того, как старую, казалось бы, тему он поворачивает по-новому: герой юморески «Бюрократ» отправляется в командировку. Официальная цель командировки — «выбить» в местном институте один экземпляр электромагнитного реле. Неофициальная — провести несколько приятных дней с девушкой, живущей в этом городе. Руководитель института встречает героя неприветливо: «Написали бы письмо: мы бы выслали реле почтой», берет из его рук командировочное удостоверение и в графе «убыл» отмечает сегодняшнее число.

— А реле? — удивляется герой.

«— Получите сейчас в 125-й комнате и счастливого пути! Поезд... отправляется в 20 часов 15 минут».

«Боже мой, боже мой!» — заключается юмореска гневной тирадой командировочного. — Когда ты испепелишь гневом своим всех бюрократов? Когда?»

Но даже в лучших рассказах книжки бремя уже знакомого, известного висит над автором, а ведь юмор именно та область литературы, где тривиальности, повторения и штампы наносят особенный урон ими пользующимся. Груз «традиций» приземляет и лучшие рассказы-памфлеты Никольского, и некоторые рассказы уже давно и хорошо зарекомендовавшей себя литовской юмористки Виты Жилинскайте.

У Никольского — герой Валокардинов, улица Кардиовалена. У него многие сюжеты переносятся в будущие века, где герои — роботы. Жилинскайте привлекает космический сюжет для доказательства того, как плохо производить одинаковые платья и шляпки. Порою все это и смешно, но не самобытно.

Никольскому не хватает чувства отбора. Под одним переплетом у него оказались ученические пробы пера, вроде юморесок «Звезды смотрят вниз», и с блеском написанные рассказы «Железный характер», «Сердца трех», «Месть», «Черный понедельник».

У Виты Жилинскайте окрепший голос. Порою она любит ставить героев в положения, кажущиеся неправдоподобными. Но в большинстве случаев это оправдывается сатирическим замыслом. Вот пример неуемной гиперболизации, дающей отличный сатирический результат: фельетонист, всю жизнь писавший о плохой работе домоуправления № 38, приносит себя в жертву науке. Его замораживают на 2000 лет. Он оживает в 3966 году. И тут же редактор журнала сатиры и юмора IV тысячелетия заказывает ему боевой фельетон о плохой работе домоуправления № 1 000 000 038.

Смешно и едко. Таких юморесок в новой книжке Виты Жилинскайте «Майский жук» (издательство «Вага») большинство. И они, так же как повесть Безорудько, своим многогранным сатирическим существом свидетельствуют о широких возможностях современной национальной юмористической литературы.

Хотя Александр Ковинька, как поговаривают, уверяет, что «юмористы рождаются главным образом на Полтавщине», — это утверждение следует принять с некоторым добавлением: не только на Полтавщине, но и в Грузии, и в Литве, и в Белоруссии, и в Татарии, в общем, всюду, где талантливые люди знают и любят свой народ и народным колоритом, подмечаемым острым глазом, обогащают свои произведения.

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ

В горах Кавказа.

голосования Орджоникидзе получил подавляющее большинство голосов. По числу голосов он шел сразу вслед за Дзержинским и получил больше, чем ряд других тогдашних видных членов ЦК.

Помню, как поразила меня тогда наблюдательность Владимира Ильича. Я тоже замечал, что Серго слышит хуже других, но не знал, что он глуховат на левое ухо.

Работая в Нижнем Новгороде, я встречался с Серго в Москве на всероссийских партконференциях, на съездах Советов. В марте 1922 года мы встретились с ним на XI съезде РКП(б). В работе этого съезда участвовал Владимир Ильич, но здоровье его к тому времени уже пошатнулось, врачи требовали лечения и отдыха. Да Ленин и сам чувствовал необходимость этого. Близко принимая к сердцу состояние здоровья Ленина, Серго убеждал его поехать на Кавказ, чтобы там отдохнуть и подлечиться. И даже уговорил. Они условились с Ильичем о плане предстоящей поездки. По этому поводу сохранилось несколько записок Ленина к Орджоникидзе, в одной из которых он писал: «...черкните мне, пожалуйста, пару слов, чтобы я знал, что мы договорились вполне и что «недоразумений» не будет.

Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом.

Вам, при Вашей занятости, вероятно, никак не удастся самому выполнить то, о чем вчера говорили, да и не рационально, конечно, Вам за это браться. Найдите человека исполнительного и внимательного к мелочам и поручите ему (тогда и ругать мне будет приятнее не Вас, кстати сказать)».

Ленин сообщал также, что через месяц будет ждать присылки «и подробной карты и сведений о пригодном месте (или пригодных местах) — высота над уровнем моря, изолированность и пр. и т. д.; также описания этих мест и тех уездов и губерний, где они находятся». В других записках к Серго по этому поводу он сообщает, что с ним просится поехать Камо и что он с этим согласен, проявляет заботу о том, чтобы выбранное место подошло не только для него, но и для Надежды Константиновны, и что с этой точки зрения «Боржом очень годится». Однако поездку на юг осуществить Владимиру Ильичу так и не удалось.

МАЛЕНЬКИЕ РЕЦЕНЗИИ

ИСКУССТВО ТОВСТОНОГОВА

ИСКУССТВО Товстоногова содержательно и гармонично. Такова же его книга «О профессии режиссера». Трудно определить ее характер: опыт художника, теория режиссуры, лирическая исповедь, публицистика? Ничто в отдельности и все вместе. Наверное, такой сплав и есть примете лучших книг об искусстве.

Прочитав книгу, мы узнаем, как создавались едва ли не все спектакли Товстоногова. Это само по себе очень интересно (ведь об одной товстоноговской постановке снят даже полнометражный фильм), потому что здесь приоткрываются тайна театра, поэзия и технология самого неуловимого искусства — искусства режиссера. Но рассказы о спектаклях — не самостоятельная цель автора и вместе с тем не примеры для иллюстрации того или иного тезиса. Быть может, самое дорогое свойство книги состоит в том, что ее теоретические выводы органично и вольно рождаются из художественной практики режиссера.

«Я ничего нового не открываю. Я рассказываю о том, как работаю, что думаю о нашей профессии». Верно. Книга Товстоногова субъективна, как субъективно всякое произведение искусства. Не только во взглядах на творчество, но в темпераменте автора. Кто знает Товстоногова на сцене, наверняка узнает его и в книге.

Однако книга «О профессии режиссера» выходит за пределы обобщения опыта одного художника. Следующие друг за другом главы «Размышления о классике», «На подступах к замыслу», «О жанре», «Реализация замысла», «Работа с актером», «Декорация и музыка в спектакле» не только интересны, потому что в них видны поиски, сомнения, открытия художника, — они имеют научную ценность. Это ведь и есть элементы искусства режиссера, без знания, творческого осмысления которых невозможно плодотворно работать в театре.

Книга Товстоногова — не учебник по режиссуре. Такой учебник невозможен, как невозможно написать учебное пособие для писателей и композиторов. Размышления автора о профессии режиссера, построенные на опыте, пробуждают, активизируют мысль, помогают охватить и понять режиссерское искусство в его составных частях и целостном синтезе. Не только в том, что касается собственно постановки спектакля. Товстоногов справедливо считает, что воспитание коллектива художников одной эстетической «веры», внутреннее строительство театра есть, быть может, главная забота режиссера. Автор завершает книгу главой о зрителе. И это верно: «Без современных зрителей не может быть современного театра. Современный зритель — непременный и обязательный участник не только вечернего спектакля, но и сегодняшней утренней репетиции, замысла вашего будущего спектакля».

Есть в книге Товстоногова главная тема, которая слышится на каждой странице: современность, гражданственность. Эти критерии в конечном счете определяют в искусстве режиссера все: общественную идею, выбор пьесы, сценический язык, образный строй спектакля. Товстоногов хочет ставить только те спектакли, которые могут сказать современникам важное о жизни — будь это классика или нынешняя пьеса. Ни одной равнодушной, академической или конъюнктурной работы. Режиссер верен реалистическим принципам русского искусства, но он не признает канонов в творчестве. Только то в искусстве хорошо, что правдиво выражает жизнь и гражданскую мысль, что приводит в волнение зрительный зал и обогащает духовный мир людей.

Но так на сцене, так и в книге. Автор не стремится найти точную формулу «современного стиля» в советском театре (такие формулы всегда обедняют и сушат творчество), но он знает, что в искусстве не бывает «сегодня, как вчера, и завтра, как сегодня», и — опять-таки на опыте — выясняет приметы нашего нынешнего театра. Сама книга Товстоногова — явление современного искусства. Она точно, бескомпромиссно выражает эстетические взгляды художника. Она строга, энергична, вы не услышите от автора актерского слова «волнительно», он хочет, чтобы волнение рождалось от мысли. И достигает этого.

Наверное, среди читателей Товстоногов встретит и оппонентов — это естественно в искусстве. Не все в книге ровно, порой думаешь о том, чего в ней нет. Мне, например, кажется, что работа выиграла бы, если б автор внимательнее задумался о том, что ему не удавалось, о преодолении трудного. Но с убежденностью можно сказать, что книга «О профессии режиссера» — большое явление в нашей театральной литературе.

А. АНАСТАСЬЕВ

---

* Г. Товстоногов. «О профессии режиссера». М. Издательство «ВТО».

Встреча с Шоу

НЕМНОГО можно найти в западном театре XX века столь ярких, интересных и оригинальных фигур, как Бернард Шоу. Столь противоречивых и сложных и вместе с тем удивительно цельных во всех своих противоречиях и исканиях, заблуждениях и победах. Недавно вышедшая книга А. Образцовой «Драматургический метод Бернарда Шоу» позволила заглянуть в творческую лабораторию этого могучего писателя-реалиста, драматурга-философа, беспощадного сатирика и убежденного социалиста.

А. Образцова смело нарушает привычные каноны построения монографий о писателях: она не излагает биографию Шоу, не рассматривает последовательно, пьесу за пьесой, его творчество. Автор вовлекает нас в процесс творческого мышления драматурга, заставляет увидеть хорошо знакомые и сравнительно мало известные пьесы Шоу в аспекте четырех проблем — «драматический конфликт», «характеры», «парадокс», «природа жанра».

Бернарду Шоу не повезло при жизни. Досужие критики сочинили легенду о якобы несценичности его пьес. Достоинство книги А. Образцовой не только в том, что она разбивает эти достаточно стойкие легенды, но и в том, что она помогает по-настоящему понять и увидеть на широком фоне европейской культурной жизни века новаторскую, своеобразную театральную эстетику английского драматурга.

Шоу сблизил театр с прозой — отсюда его неповторимые, как будто бы не очень нужные, а на деле так много дающие актерам и режиссерам пространные ремарки. Он щедро пользовался в то же время всеми средствами острой сценической выразительности — гротеск, буффонада и, конечно, парадокс. Наверное, именно это сочетание интеллектуальности и яркой сценической образности делает драматургию Шоу такой нужной сегодня.

Я люблю многих героев Шоу — людей сильных, трезвых, умеющих смотреть правде в глаза. Таких, как Иоанна, Цезарь или старый ирландец Киган из «Другого острова Джона Булля». Мне хотелось бы сыграть мудрого чудака Шотовера из «Дома, где разбиваются сердца», или сатирического мультимиллионера Андершафта из «Майора Барбары», или доброго и грустного Кигана. Если это случится в моей жизни, то еще раз, пожалуй, надо будет обратиться к книге А. Образцовой, которая умно и тонко вводит нас в духовный мир писателя-гуманиста и его персонажей.

Л. СВЕРДЛИН,
народный артист СССР

А. Образцова «Драматургический метод Бернарда Шоу». М. «Наука».

поздравляем юбиляра

О НАГРАЖДЕНИИ ПОЭТЕССЫ

Ваaранди (Смуул) Д. Ю.

Указом Президиума Верховного Совета СССР писательница ВААРАНДИ (СМУУЛ) Дебора Юлиановна награждена орденом «Знак Почета» за заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения.

Известной эстонской поэтессе Деборе Ваaранди исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по эстонской литературе при СП СССР направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится: «Дорогая Дебора Юлиановна! Секретариат правления СП СССР и Ваши многочисленные московские друзья сердечно поздравляют Вас, крупнейшего эстонского поэта, в день славного юбилея.

В Вашей поэзии — краски Эстонии, одной из пятнадцати республик-сестер, прошлое и настоящее ее мужественного народа находит неповторимое выражение в образах Ваших произведений.

Вы никогда не оставались в стороне от волнующих проблем современности и всем сердцем поэта-гражданина вставали на защиту мира, гуманизма, демократии и пролетарского интернационализма.

Высокий уровень современной эстонской поэзии многим обязан Вашему светлому таланту. Ваше творчество оказывает неоценимое влияние на формирование новой поэтической смены».

* * *

«Литературная газета» горячо присоединяется к этому сердечному поздравлению.

□

Сегодня мы публикуем новые переводы стихов Деборы Ваaранди. «Утро Техумарди» навеяно воспоминаниями о кровопролитном сражении на острове Сааремаа, где в 1944 году советские воины, не щадя жизни, боролись против фашистов.

Дебора ВААРАНДИ

Утро Техумарди

Вдруг стемнело. Ветер
дунул и погнал по небу тучи
Тень бежала по спине равнины
и гналась за убегавшим солнцем.

Вместе с первыми рывками
шторма
заметались и взлететь пытались
синие пузатые мережи,
копошившиеся в можжевельнике,
как диковинные морские звери.

Море хмуро вздыбилось
над горизонтом,
простирая кулаки цвета белой
кости
к туче, грохочущей грозою.

Туча, налитая болью и гневом,
опрокинулась на землю.
Женщина шла вдоль холмов
могильных.
И была
вся земля полна теней.
Вся земля была полна теней.

Шла она, прямые плечи
почернели от дождя.
Ни стара, ни молода,
и то мгновенье —
вне теченья времени.
А у каждого могильного холма
останавливалась и читала,
называя по имени-фамилии
тех, кого когда-то знала
как людей, как своих,
в шинель одетых, братьев,

что когда-то с хохотом
и чертыханьем,
с криком бросились в атаку,
а потом подраненные, молкли
и немели
с детским удивленьем на лице.

Очень далеко от нас
под страшным ливнем
с головою, поднятой высоко
над прямыми сильными плечами,
шла она вдоль холмов
безмолвных,
вдоль усеянных цветами.

И было утро.
Утро после Техумарди...

Перевел с эстонского
Борис СЛУЦКИЙ

Тысячелистник

Сегодня дружба лишь нужна,
и никого нет лишних.
Зачем ты хочешь для меня
воспеть тысячелистник?

Иль для меня цветок иной
не вырос при дороге?
Тысячелистник? Да, ты мой.
Полезен для здоровья.

Когда увязнет даль в снегах
за нашею хибарой,
мы сядем с чашками в руках
и стих припомним старый.

И поднесем навар к губам.
Горчайший тот напиток...
Пусть дружба бродит по снегам,
не зная троп избитых.

Перевел с эстонского
Д. САМОЙЛОВ

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Д. УМАНСКИЙ

ДВАДЦАТЬ лет назад окончился Нюрнбергский процесс. Он продолжался свыше десяти месяцев. 1 октября 1946 года Международный военный трибунал объявил приговор рейху и его главарям.

Но не все в этом приговоре было справедливо. Советский судья заявил свое особое мнение с возражениями против решения большинства судей, оправдавших трех преступников, сохранивших жизнь Рудольфу Гессу. Они отказались также объявить преступной организацией нацистское правительство, признать преступной деятельность генерального штаба и высшего командования вермахта...»

Впрочем, при вынесении приговора остальным гитлеровским «фюрерам» царило тогда полное единодушие. В частности, не было расхождений при оценке деятельности последнего шефа «Вильгельмштрассе» — министерства иностранных дел Третьего рейха — фон Риббентропа. Да он и сам в Нюрнберге с гордостью назвал себя верным слугой Гитлера. Что ж, в тот раз он не солгал, — он преданно, до конца служил своему «фюреру», который, не доверяя дипломатам старой школы, сколотил собственную дипломатическую службу. Это ведомство во главе с фон Риббентропом соответствовало своему назначению...

Иоахима фон Риббентропа нет, но «дух» его поныне живет на грешной боннской земле.

Об этом заботятся прежде всего родные покойника, для которых созданы условия максимального благоприятствования. Недавно они в содружестве с родными Рудольфа Гесса, ближайшего подручного Гитлера, к тому же коллеги фон Риббентропа по нюрнбергской скамье, возложили венки на могилу близкого им духовно генерала войск СС Зеппа Дитриха.

Но такая «песня без слов», напоминающая, что «дух» фон Риббентропа еще не умер, представляется его супруге, фрау Аннелиз фон Риббентроп, явно недостаточной, и она состряпала панегирическую книгу в его честь, горячо рекомендуемую издательством Друффель. Это издательство специализировалось на публикации «мемуаров» и прочих «трудов» нацистских последышей, оправдывающих гитлеровскую Германию. Такова и «историография», сконструированная фрау Аннелиз; эта дама назвала осуждение ее супруга «противозаконным».

Строго говоря, фрау фон Риббентроп работала по шпаргалке, оставленной ее героем. Как известно, гитлеровский министр иностранных дел заверял на Нюрнбергском процессе, что он был «преисполнен самых мирных намерений». Что же касается вторжения рейха в разные страны, то это, по словам фон Риббентропа, было либо «необходимостью, проистекавшей от географического положения Германии», либо, на худой конец, «вмешательством» в дела другой страны; вторжение же в СССР «не было агрессией в буквальном смысле слова», да и вообще «агрессия — это очень сложное понятие».

Вариации фон Риббентропа на мотив агрессии взяты сегодня милитаристами из ФРГ на вооружение. Реваншистская печать делает вид, будто ей невдомек, «что такое агрессия» и «как отличить войну несправедливую от справедливой». Такие же недоуменные вопросы то и дело доносятся из среды пентагонских покровителей Пентабонна, в особенности когда этих господ пригвождают к позорному столбу за преступления, совершаемые ими на вьетнамской земле.

Так «дух» фон Риббентропа продолжает жить по обе стороны пресловутой боннско-вашингтонской «оси». Он процветает и в боннском министерстве иностранных дел. Там великое множество тех, кто работал с «имперским министром» и по преемственности работает ныне в Бонне.

Есть среди них один, которого с фон Риббентропом связывает не только дух, но и родство. Недавно он стал начальником протокольного отдела МИДа ФРГ. Это Ганс Шварцман. Приветствуя его повышение, близкая к правительству «Франкфуртер альгемейне» писала, что «на Гансе Шварцмане лежит печать старой Вильгельмштрассе». Ему и его предшественникам, утверждает газета, «присущи общие черты». Это, безусловно, так. Но следует ли этим гордиться? В особенности если учесть «заслуги» Ганса Шварцмана, о которых «Франкфуртер альгемейне» предпочла умолчать. А зря!..

Ганс Шварцман был доверенным лицом фон Риббентропа, выполняя роль связного между ним и нацистским послом Абецом в Париже, сыгравшим зловещую роль в порабощении Франции. Он был связан и с таким учреждением нацистской диктатуры, как «Главное имперское ведомство безопасности». Он приложил руку к угону жителей Франции в лагеря смерти. Он подвизался в так называемом «торгово-промышленном комитете» гитлеровского МИДа считался там «специалистом по французским вопросам» и в этом качестве соучаствовал в ограблении Франции.

Впрочем, в Бонне подобная деятельность гитлеровских подручных оценивается не так уж плохо. Президент ФРГ Любке однажды заявил, что годы оккупации Франции, «если искать в них положительное (!) начало, дали возможность массовому взаимному ознакомлению друг с другом» — порабощенных французов со своими поработителями. Таким образом, по его словам, «был заложен фундамент для нормального добрососедства».

Вот, оказывается, для чего потребовалось проливать кровь французов на их земле, закабалять Францию — во имя доброго соседства!

Впрочем, подобными заслугами — в духе фон Риббентропа — могли бы похвастаться и некоторые коллеги Ганса Шварцмана по прежней и нынешней «Вильгельмштрассе». Он «занимался» Францией, а Ланвер, Касслер действовали в Дании, фон Барген — в Бельгии, Гиффельс, Энгелен — в Норвегии, Гавлик, фон Людингхаузен — в Чехословакии и т. д.

Но, конечно, у Ганса Шварцмана было перед ними преимущество — родство с самим фон Риббентропом. Правда, по мнению его биографа, после 1045 года он именно из-за этого оказался в «щекотливом» положении. Но, будучи, по словам того же биографа, «от природы оптимистом», не стал унывать, учуяв, что долго «щекотливое» положение продолжаться не будет и его вскоре призовут обратно в лоно дипломатии. Так оно и было, и ныне 20-летие приговора Международного военного трибунала Шварцман встречает в самом центре боннской «Вильгельмштрассе».

Недаром говорят, что в ФРГ все стало на свои привычные места. Конечно, это дисгармонирует с итогами Нюрнбергского суда, но в Бонне и не ищут гармонии с приговором 1946 года. Помнится, первый президент ФРГ Хейс, восхваляя гитлеровский генералитет и все воинство германского империализма, назвал приговор «отвратительным методом уничтожения». И по мере того, как боннский реваншизм набирает темпы, все откровеннее обрушиваются его лидеры на самый Нюрнбергский процесс. Кампания нацелена на то, чтобы оправдать не только действия германских агрессоров в прошлом, но и их реваншистские замыслы на будущее. Чем больший срок отделяет нас от 1 октября 1946 года, тем это становится все очевиднее. Тревожный симптом...

зарубежная панорама

● Имя режиссера-документалиста Йориса Ивенса широко известно. Его кинокамера всегда на переднем крае событий — в Испании, Индонезии, на Кубе, в Африке, там, где народы ведут героическую борьбу за свободу.

Недавно в издательстве «Хеншель ферлаг» (ГДР) вышла книга, посвященная Йорису Ивенсу. В ней собрано много редких фотодокументов. Один из них мы воспроизводим: Йорис Ивенс, Эрнест Хемингуэй и Людвиг Ренн во время гражданской войны в Испании.

● Более пятидесяти лет не сходят с экранов мира кинокартины с участием Чарли Чаплина. Но прославленный мастер кино по-прежнему полон творческих сил. Как уже сообщалось в нашей прессе, он занят съемками нового фильма с участием Софии Лорен. На снимке: Чарли Чаплин в редкие минуты отдыха на море.

● «Певцу рабочего класса Эрнсту Бушу» — такие письма приходят в Берлин из разных стран. Огромную популярность снискал себе Эрнст Буш исполнением революционных песен, талантом драматического актера, своими выступлениями против фашизма в мрачные годы гитлеровского режима. На снимке: Эрнст Буш с сыном.

● На снимке: французская киноактриса Марина Влади с матерью и тремя сестрами. Как сообщает печать, Марина (стоит справа), Элен Валье (стоит слева) и Одиль Версуа (сидит слева) собираются сыграть трех сестер в пьесе А. П. Чехова. Четвертая сестра — Ольга Варен (сидит справа) ограничится ролью ассистента режиссера в этом спектакле.

● Польского писателя Станислава Лема хорошо знают читатели разных стран. Многие из его научно-фантастических романов (всего им написано более двадцати книг) переведены на русский язык. На снимке, который мы публикуем, — Станислав Лем в своем кабинете.

ОГОНЬ

Эктор Бехар — молодой перуанский поэт, который в 1962 году выпустил первую книгу своих стихов под названием «Конец слов».

Командир партизанского фронта в горах Центрального Перу Э. Бехар тяжело заболел и, приехав для лечения в Лиму, был схвачен полицией. Ему отказывают в какой бы то ни было медицинской помощи. Бехару грозит смертная казнь.

Публикуя сегодня стихи Эктора Бехара, мы вместе с прогрессивной мировой общественностью поднимаем свой голос в защиту поэта и борца за свободу.

Эктор БЕХАР,
перуанский поэт

*

Позади это все осталось:
дом, теплота камина,
ребенок в чреве любимой,
бессилие слов, усталость,
медленность зим, молчание,
на двери — тяжелый засов,
размеренное качание
маятника часов.
Отделяемся, как от тени.
Оставляем все это тем,
что от рождения хотели
жить бесшумно, как тень.
Печальтесь! — вам,
кто в печали, —
колени преклони.
А нам суждено отчалить —
для полымя и огня.
Что сделаем, если сделаем,
знает ветер, знает простор.
Не стелите скатерть
безделья —
мы не сядем нынче за стол.
Робким — оставим их норы.
Новый ветер на наших губах.
Уходим сегодня в новое
от трусливой жизни
собак.

Перевела с испанского Г. КАЗАКОВА

ХРОНИКА

В Москву прибыл известный западногерманский писатель Генрих Бёлль. Кроме Москвы, за время своего трехнедельного пребывания в СССР гость из ФРГ посетит Ленинград и Тбилиси.

СКАНДАЛ В СИЦИЛИИ

Энцо РАВА

В ОДИН прекрасный день часть сицилийского города Агридженто со всеми своими улицами, площадями, зданиями и восемью тысячами жителей вдруг медленно поползла по склону холма. На земле появились трещины; расширяясь, они проглатывали стены, целые дома и улицы.

К счастью, это случилось днем, жители бодрствовали; им удалось вовремя покинуть дома, спасаясь от этого странного медленного землетрясения. Результат этого большого несчастья — убытки на миллиарды лир, но ни одной жертвы. Впрочем, несчастье очень быстро приобрело характер отвратительного фарса. Случилось это, когда началось расследование, когда захотели узнать, почему не такой уж маленький район вполне современного города растаял, как сливочное масло на солнце.

Агридженто — один из самых древних городов мира — расположен на южном берегу Сицилии; он был основан почти тридцать веков назад греческими колонизаторами. Современная часть города находится на холме, у подножия которого протянулась сказочная долина храмов — Зевса, Юноны и Деметры (их колоннадам, выполненным в дорическом стиле, завидовали когда-то Афины). За этот город римляне бились с Карфагеном и, овладев им, отправили пленных карфагенцев сооружать стоки для отвода подпочвенных вод с холма в долину. Разветвленная система подземелий и каналов стала одной из городских достопримечательностей.

Туристы спускались в подземные галереи и любовались огромными гротами. Весь холм был похож на пропитанную водой губку, крестьяне втыкали в землю трубы, и вода била из них фонтаном.

Античная роскошь давно уже стала историей, нынешние времена не сулили ничего хорошего, а за последние двадцать лет средний доход на каждого жителя Агридженто составлял едва половину среднего дохода по всей Италии. Пятая часть жителей эмигрировала, не было построено ни одного предприятия, сельское хозяйство пришло в упадок. Зато начался строительный бум: огромные здания росли, как грибы, на склоне того самого холма, где особым декретом было запрещено всякое строительство. Фундаменты зданий нарушили систему подземных стоков и создали препятствия на пути воды, которая стала накапливаться в подземных гротах и подниматься вверх. Как и следовало ожидать, кончилось тем, что часть города сползла вниз по холму.

В течение десяти лет демохристианская администрация Агридженто не могла нахвалиться этой строительной лихорадкой. Действительно, местные власти трудились засучив рукава. Так, например, муниципальный асессор, в обязанности которого входило следить за тем, как выполняется закон о строительстве, руководил работами в частном обществе, нарушавшем этот закон; когда возводилось здание, размеры которого даже человеку неискушенному казались чрезмерными, экспертиза поручалась инженеру, руководившему строительством самого здания. А чтобы избежать штрафа, достаточно было уплатить пять тысяч лир за превышение дозволенной высоты здания не три этажа (пять тысяч лир — стоимость хорошей авторучки). Десятками строились не только шикарные особняки, но и жилые дома для тех, кто в состоянии платить высокую плату за квартиру.

Все это делалось в открытую. Когда местные оппозиционные газеты писали об этом, редакторы представали перед судом, чтобы отвечать за «клеветнические вымыслы». На лихоимство намекали даже отдельные деятели местной организации самой демохристианской партии, стремившиеся пролезть к власти и сваливавшие все грехи на своих соперников по партии.

Не удивляйтесь: Агридженто уже долгое время имеет свою мафию (было и такое, что мировой судья, возглавлявший мафию, приказал убить комиссара полиции, связанного с мафией, но обвиненного в неповиновении ей), и ее «традиции» перешли по наследству местным властям. А если этот сюжет вам покажется позаимствованным из пьес Пиранделло, таким же ироническим и гротесково абсурдным, то и этому удивляться нечего: ведь Пиранделло родился в Агридженто.

Однако настоящая трагикомедия в духе Пиранделло началась на следующий день после того, как городской район с восемью тысячами жителей съехал с холма в долину. Большинство из этих восьми тысяч были бедняки, их разместили в палаточном городке и в течение нескольких дней кормили, как солдат на маневрах. Несколько сот человек было арестовано за то, что, узнав о даровой еде, они выдали себя за потерпевших бедствие, чтобы хоть раз в жизни поесть вволю.

События в Агридженто взволновали всех итальянцев. Сразу стало ясно, что за ними скрываются нечистоплотные делишки. Министр общественных работ (социалист) издал коммюнике, обещая установить «возможную» ответственность за случившееся.

В Сицилии администрация пользуется известной автономией, но, как всем казалось, до того дня остров принадлежал Италии. Когда же представители министерства явились в муниципалитет Агридженто, чтобы ознакомиться с документами, касающимися строительства в этом городе, у них потребовали «верительные грамоты». «Какие грамоты?» — удивились римские чиновники, но получили ответ, что без оных — на манер грамот послов иностранных держав — их даже на порог муниципалитета не пустят. Приказ об этом был получен от асессора в сицилийском правительстве (партия демохристиан).

Между министром-социалистом центрального итальянского правительства и асессором-островитянином, членом партии христианских демократов, вспыхнула война. Министр обещал поимку и наказание виновных, асессор клялся, что заставит уважать законы, гарантирующие автономию Сицилии. А служащие, которым надлежало выполнять приказы и первого, и второго, тут же получили кличку «северян» и «южан», в зависимости от того, приезжали они из Рима или из Палермо, и обращались с ними в Агридженто соответственно (с «северянами» обращались неважно).

Конфликт этот расценивается общественным мнением Италии как постыдная комедия. Чего только не происходило по ходу этой борьбы! Когда, например, посланцы «северян» просили, чтобы в муниципалитете Агридженто им показали планы городского строительства, им отвечали, что планы «утеряны», а коли они не верят, то пусть и роются семи в пыли архивов. И если чиновник «с севера» требовал, чтобы ему выдали на руки какой-либо документ, с него брали расписку, а возвратившись к себе, он обнаруживал, что ему подсунули совсем другой документ.

«Военные действия» продолжались несколько недель, за ними последовал четырехчасовой телефонный разговор, и был достигнут компромисс между «северянами» и «южанами», социалистами и демохристианами. На чем он основан, этот компромисс, простым смертным знать не дано. Бесспорно одно, а именно: с тех пор об Агридженто вовсе замолчали, и судье, начавшему было следствие о причинах бедствия, в результате которого восемь тысяч человек остались без крова, придется вести процесс «против неизвестных».

РИМ

Улыбки номера

Борис ЛОБКОВ

СОВПАДЕНИЕ

[illegible] лектив НИИСНИХНИМА приложит все силы по ликвидации последствий пребывания на посту начальника отдела проходимца Шурова. Все описанное в фельетоне подтвердилось.

— Что подтвердилось?

— Почти все. Кое-что Шуров отрицает, но дружный коллектив...

— Слушайте, а если бы я написал, что Шуров украл трамвай?

— Какой трамвай?

— Красный.

— Этого мы не знали, — сказал НИИСНИХНИМ. — Вы не подскажете номер трамвая?

— Какого трамвая?

— Красного.

— Да никакого трамвая Шуров не крал! — возмутился я.

— Вы не знаете Шурова, — сказал НИИСНИХНИМ. — Мы долго терпели, но после вашего фельетона...

— Это не фельетон! — закричал я. — Это рассказ! Интересно, что бы вы делали, если бы в нем была фамилия Иванов?

— Какой Иванов? У нас три Иванова.

— Ивановы здесь ни при чем, — сказал я. — Это я привел просто пример. Я еще раз хочу вам объяснить, что я писал рассказ, и произошло простое совпадение. Случайность, понимаете?

— Не понимаем, — сказал НИИСНИХНИМ.

Я бросил трубку.

Теперь один из своих рассказов я начал так: «На берегу великой русской реки Н. в городе Н., с тех пор как гражданин Н. попал в горисполком, начались беспорядки».

Вчера я получил письмо.

«Товарищ писатель, ваш намек поняли. Все порядков сколько хотите. Дайте фамилию».

«ВЫБИРАЙТЕ САМИ», — телеграммой ответил я.

Вл. ВЛАДИН

КАК Я НАШЕЛ СЕБЯ

— Не пойдет, — сказал редактор. — Было. У Сервантеса, О'Генри и Виктора Кирасирского. Примерно та же ситуация. Надо читать классиков.

Кирасирского я не читал и поэтому густо покраснел.

— И вообще, — продолжал редактор, — вы же инженер, вычислитель. Почему не опишете то, что изучили лучше нас?

Прибежав домой, я срочно стал перечитывать классиков. Затем в течение нескольких дней вытравлял из рассказа все, что хоть отдаленно напоминало бы творчество Сервантеса, О'Генри и Кирасирского. Теперь я с облегчением убедился, что не создал нового «Дон Кихота».

В следующей редакции мне мрачно сказали:

— Было, было, было. Дураков надо выкинуть. Были у Роттердамского.

И мне опять посоветовали написать что-нибудь кибернетическое.

Я выкинул дураков и помчался в новый журнал. Молодой редактор сказал мне:

— Здесь вы пишете: «Коля сел на стул». А ведь это уже было у Ильфа и Петрова. Помните? Правда, там Коля сел не на стул, а на матрац, но аналогия напрашивается... И вообще, почему вы не напишете что-нибудь из жизни интегралов?

Я упал духом. Невесте пришлось сказать, что объясняться в любви я не буду, так как это уже было у Пушкина, Лермонтова и Козьмы Пруткова.

— Идиот, — сказала она.

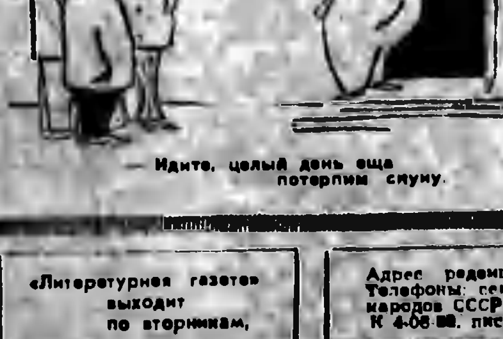
— Было, — отрезал я. — У Достоевского.

Наконец я сдался. Новый рассказ начинался так: «Коррелятор бездействует. Мерно стучит перфоратор. Процесс отработан в статике, однако производная дельта-функции не проходит на интеграторе. И вдруг отрицательная обратная связь...»

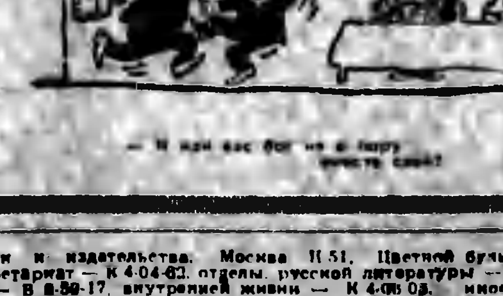
Такого еще не было ни у Гоголя, ни у Чехова.

И вот! Меня напечатали в журнале «Автоматика и телемеханика».

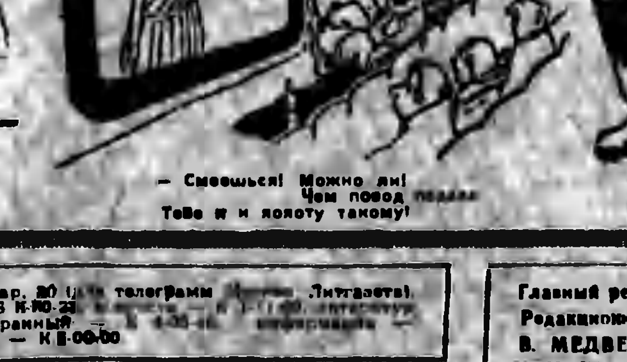
ЛИСТАЯ «ГОРЕ ОТ УМА»...



— Идите, целый день еще потерпим скуку.



— И как вас бог [illegible]



— Смеешься! Можно ли! Чем повод подал... Тебе и [illegible] такому!

Рис. Вл. Воеводина

— Зачем же быть, скажу вам, напрямик, Так [illegible] на язык?

ИХ СЕНСАЦИИ

Вторая специальность фрау Крейцер

АМСТЕРДАМ, девять часов утра. Открываются магазины, улицы уже заполнены озабоченными прохожими. Никто не обращает внимания на трех скромно одетых молодых людей в черных очках, остановившихся у витрины ювелирного магазина. Неожиданно раздаются выстрелы, звон разбитого стекла... На глазах у ошеломленных прохожих молодые люди бросаются в подкатившую к ним машину и мгновенно исчезают из виду. Лишь спустя несколько минут слышится вой полицейских сирен...

Так среди бела дня было совершено одно из самых наглых ограблений в Европе — украдено на полмиллиона марок драгоценностей. Вся операция длилась около 40 секунд.

С интересом наблюдала за происходившим элегантная немолодая женщина, завтракавшая в соседнем кафе. Ее [illegible] — такое ведь не каждый день увидишь!

Бандитов вскоре удалось задержать. Ныне в Дортмунде начался суд над ними. Их обвиняют в восемнадцати ограблениях и нескольких убийствах. На скамье подсудимых — десять человек, и рядом с главарем банды 38-летним Петерсом Доминесом... та самая скромная посетительница кафе. Место это ей явно непривычно, хотя и провела она в судах большую часть своей жизни: ведь Александра Крейцер — известный и уважаемый в Эссене (ФРГ) адвокат и нотариус.

Почтенной юристке отпираться не пришлось — слишком уж неопровержимы были доказательства ее виновности. Правда, во время проведения «операции» она довольствовалась ролью зрителя, но зато с великим усердием участвовала в разработке планов налетов, снабжала бандитов оружием и, конечно же, не отказывалась от своей доли награбленного.

Любопытна история знакомства адвоката с шефом банды. Завязалось оно лет десять тому назад в тюрьме, где отбывал наказание супруг фрау Крейцер — бывший крупный эсэсовец, осужденный как военный преступник. Палач-нацист и убийца-гангстер быстро нашли общий язык, да и почтенная адвокатша, имевшая постоянный доступ к заключенным, вскоре воспылала дружескими чувствами к приятелю своего мужа. Когда провалились все ее попытки вызволить Доминеса из тюрьмы законным путем, она, не долго думая, передала ему напильник, с помощью которого он и бежал.

Следствие по делу Доминеса и компании тянулось удивительно долго. Чем объясняется такая медлительность? Быть может, стремясь обезопасить себя от очередного скандала, боннская фемида приняла все меры предосторожности, чтобы среди «суд вершащих» бандиты не признали ещё кого-нибудь из своих сообщников или покровителей...

И. ВЕТЛОВА

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергом и субботам

Адрес редакции и издательства. Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Для телеграмм Москва Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В [illegible], литературы народов СССР — В 8-50-17, внутренней жизни — К 4-05-05, иностранный — [illegible], информации — К 4-06-88, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 8-00-00

ИНДЕКС 50067. Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30. В — 01013

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: В. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).